

Открытый мир Шолохова

МЫ ДОЛГОЕ время не знали, что вообще строил Шолохов, неутомимый зодчий. Почему он так мужественно отстаивал от всех деформаций, от лепных украшений, от вмешательства «социальных архитекторов» свой огромный дом «Тихого Дона»? Причем строил он его в условиях, когда стремительно свертывался нэп, когда в борьбе двух концепций социализма — ленинской «демократической» и сталинской «деспотической», унитарной — явно побеждала последняя. С ее ставкой на насилие, на пресловутое «единогласие-единодушие», с ее мифом об обществе как механизме упрощенном, ясном и беспроблемном.

Известно образное определение романа — «дом из слов, в котором можно жить всем». Причем жить в любое безвременье, даже среди хаоса и ожесточения.

Именно такой Дом, где можно жить всем, где нет места безумию кастовых и клановых пристрастий, оправданно зла, Шолохов начал строить еще в «Донских рассказах» (1926). Он строил его нередко в спорах с самим собой, с ближайшим комсомольско-литературным окружением, когда образ «революционного, правого суда» и романтика расстрелов еще казались универсальными, идеальными воплощениями динамики жизни и обновления. Именно в это время он создает в рассказе «Шибалково семья» художественную ситуацию, где герой, Яков Шибалок, перестает только палить по врагам, но робко, застенчиво просит спасти социально «неполноценного ребенка», не имеющего «пролетарской этикетки»:

«Хлебнул я горюшка с этим дитем.

— За ноги его да об колесо! Что ты с ним страдаешь,

Шибалок? — говорили, бывало, казаки.

А мне жалко постреленка до крайности. Думаю: «Нехай растет, батьке вязи свернут — сын будет власть Советскую оборонять. Все память по Якову Шибалку будет, не бурьяном помру, потомство оставлю».

Какая-то гримаса острой боли, судорога сострадания и

ды, объединяющей людей истины незримую взаимосвязь с темами, концепциями «задержанной» литературы и с гуманизмом классики.

О том, что таилось в негоревших рукописях 20—30-х годов, массовый читатель, конечно, не знал. Откуда он мог знать об оценках коллективизации М. М. Пришвиным в его дневниках 30-х годов? Кто

низма живет деятельной жизнью не только «на теоретическом уровне», не в виде дара отвлеченной абстракции, насильно объединяющей разрозненные факты, но и в пестром быту, в тех простых и понятных всем «наличных» предпосылках бытия, на которые опирается наша жизнедеятельность. Яков Шибалок со спасенным им младенцем

ший контроль народной жизни над крайностями доктрин и «правд», веры в то, что жизнь человеческая не может быть лишь средством, орудием, что она священна сама по себе. Предельно естественна последняя мольба, последняя просьба Григория Мелехова к нам, звучащая на том же крутом донском берегу, где началась и его жизнь:

«душу одевает в плоть», еще можно было громко говорить. Так, в 1925 году, отвечая на анкету о постановлении ЦК РКП(б) о литературе, Б. Пастернак писал: «Наличие пролетарской диктатуры недостаточно, чтобы сказаться в культуре... требуется реальное пластическое господство, которое говорило бы мною без моего ведома и воли, и даже ей наперекор». На свой шутливый лад об этом же «заворе» когда-то сказал устами героя «Сокровенного человека» А. Платонов: «...одними идеями одеваемся, а порток нету!»

«Тихий Дон» — именно изумительное пластическое господство сочных картин быта, грандиозных жестов и порывов реальной истории, океан живого народного языка, стихия неповторимого лиризма, особенно в картинах, панорамах природы. Прав был английский писатель, гость Вешенской, Ч. Сноу, убежденный в том, что и за идеей материнства в седовласой, много вынесшей Ильичиче, и за вечным собиранием гнезда, разоряемого лихолетьем дома Пантелея Прокофьевича, и за любой картиной природы в романе «скрывается страстное субъективное восприятие жизни».

Это пластическое господство, «всюдность» жизни непрерывно оттеняет и отменяет воздействие директивности, ложных, извне наложенных доктрин. Среди оставленных без внимания, неостребованных идей «Тихого Дона» поражает сейчас такая мимолетная подробность: едва ощутил Григорий в 3-й книге прилив ложного величия как командир повстанческой дивизии, когда он увидел «такую массу людей», какой никогда не командовал, — так сразу же острая тревога за их судьбу сняла гордость: «Опьяняющая сила власти состарилась и по-

блекла в его глазах»... Увы, ни разу не случилось это с Мишкой Кошевым, легко бросающим плуг, волов, пашню и бегущим на зов опьяняющей силы власти, даже малой, хуторской. И бежит он, увы, не с тревогой, а с угрожающим ликованием: «Я вам, голуби, покажу, что такое Советская власть!»

Сколько нравственных сил, мужества истратил Шолохов, создавая и отстаивая главное свое творение? Это никому не известно... И меньше всего эпитомам, псевдоэпитомам. Андрей Платонов, один из внимательнейших читателей «Тихого Дона», чутко отмечавший все элементы вторичности в прозе 30-х годов, спекуляции на чужом успехе, в одной из рецензий писал — и о подражателях Шолохова, и о нем самом: «Из чтения романа (речь шла о романе «Казачий хутор» одного писателя-эпитома из тогдашнего Сталинграда. — В. Ч.) ясно, что в нем запечатлелось влияние М. Шолохова. В этом нет беды, у Шолохова есть чему поучиться; но учиться есть смысл только тогда, когда есть уверенность открыть нечто новое, такое, что не знал и учитель».

Михаил Шолохов не только населил нашу память множеством чрезвычайно ярких характеров, музыкальным звучанием оборванных, смятых порывов, сложных тревог. В «Тихом Доне», этой донской «Илиаде» (Г. Леонидзе), писатель возвел на общечеловеческую высоту страдания благороднейшей и сильной личности. Но трагедия Григория приобщает миллионы людей в мире к великой доброте, великому милосердию и человечности русского народа.

Виктор ЧАЛМАЕВ.

● М. Шолохов, Т. Шубин, И. Молчанов. Москва, 1925 г.
Фото из архива «Правды».

К 85-летию со дня рождения писателя

Возвращение памяти... Время «свободно конвертируемых идей»... Ожившие голоса «утопнувших» или, вернее, «утопленных» в 20—30-е годы «колоколов высокого искусства» — неизданных ранее произведений А. Платонова, М. Булгакова, Н. Клюева, А. Ахматовой... И явственно ощущается приближение своеобразного культурного «ренессанса», то есть повторного прочтения, нового открытия великого романа-реквиема «Тихий Дон» М. А. Шолохова.

преодоления доверчиво усвоенной социальной присяги отразились на всем цикле «Донских рассказов». Странно, что критики, занятые подсчетами числа батраков, середняков и кулаков в «Донских рассказах», количественным, так сказать, «парламентским» представительством непримиримых враждующих групп, и ныне усматривают особое значение в том обстоятельстве, что основная часть работы над «Тихим Доном» была проделана в Вешенской «в консервативном и преимущественно антисоветском окружении». Они не видят в Григории Мелехове органического продолжения мук Шибалки и его уроков преодоления мук исторической нетерпимости. Но ведь именно Григорий Мелехов в условиях 30-х годов воплощал в себе, в своих поисках свобо-

знал в те годы о мечтах А. Платонова, верившего, что человеку нужна сотворенная, создаваемая им лично свобода, а не предписанная, дарованная, усеченная, при которой «его жизнью владеют другие люди»? Не ведал он, массовый читатель, мысленно отводивший гибель от Григория Мелехова, об опасностях террора, угрожавших жизни самого Шолохова.

Однако миллионы людей видели в Григории Мелехове как бы последнего рыцаря свободы, ищущего на страдном пути чего-то более сложного, нежели пайковые лозунги о перманентном «обострении» классовой борьбы или «пеньковые» сентенции о том, что «жить стало лучше, жить стало веселей».

Видимо, все дело в том, что философия подлинного гума-

непротетарского происхождения, Андрей Соколов с сиротой, подранком войны Ванюшкой в «Судьбе человека»... А между ними величественная в своем общечеловеческом трагизме фигура Григория Мелехова в финале «Тихого Дона» с сыном Мишаткой. Эти вариации, возвращения — не блуждания мысли. Энергия эпоса — это двойной процесс самопознания: с одной стороны, истории, народа, личности, с другой — самопознания души самого художника, преодоление им усредненного, нормативного знания. Часто предписанного и ему в виде предписанных «исторических закономерностей», непременно «осознанных».

Величие «Тихого Дона» в том, вероятно, и состоит, что все виды самопознания сопровождал постоянно возрастав-

«Все ласковые и нежные слова, которые по ночам шептал Григорий, вспоминая там, в дубраве, своих детей, — сейчас вылетели у него из памяти. Опустившись на колени, целуя розовые холодные ручонки сына, он сдавленным голосом твердил только одно слово:

— Сынок... сынок...»

Слышим ли мы сейчас это пророческое «только одно слово»?

В истории нашей культуры далеко не всегда совпадали отчеты, рапорты, директивы об ее успехах и реальные достижения. Скороспелость исполнительства, отклика — несчастье культуры. До известного времени об этих «заворах», явных несовпадениях деклараций и художественных воплощений того, что